

НУЖНО ФОРМИРОВАТЬ ПОТРЕБНОСТЬ В МЕДИАЦИИ

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей нашего журнала интервью с деканом юридического факультета Московского государственного Университета, профессором Александром Константиновичем Голиченковым

— Часто говорят, что в современном мире к юристу предъявляются новые требования. Так ли это?

— Это так и... Не так! Понятно (хотя бы по логике вещей): меняется мир, и, следовательно, меняются требования к живущим в нем. Более того, известно, что право не может быть выше, чем экономический и культурный строй данного общества. Это системы не только взаимосвязанные, но и взаимозависимые. И они, по крайней мере, на протяжении жизни последнего поколения, изменились: наше государство и общество пытаются перейти от национальной моноэкономики к экономике многоукладной, опирающейся на разные формы собственности, включенной в мировые интеграционные процессы. И наряду с этим мы уходим от обязательного исповедования одной идеологии к идеологическому многообразию.

Соответственно изменились и правовые основы нашей жизни: в 1993 году принята новая Конституция России, новый, в четырех частях Гражданский кодекс, новый Земельный кодекс, зако-

ны и кодексы, регламентирующие использование и охрану природных ресурсов — основу нашей жизнедеятельности, десятки других важнейших законодательных актов.

Одновременно коренным образом изменились информационные технологии, в том числе в правовой сфере, то есть изменилось техническое оснащение юридической деятельности.

— И в чем, на ваш взгляд, состоят определяемые этими процессами новые требования?

— Рассмотрим это на конкретных примерах. Сегодня каждый юрист должен понимать, что его подготовка и деятельность должны быть направлены на обеспечение реализации и защиту прав и свобод человека и гражданина. Это прямо установлено или вытекает из установлений Конституции РФ. Так, в соответствии с ней «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2).

Александр ГОЛИЧЕНКОВ

«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18).

Изменения в экономике предполагают, что современный юрист, даже если он работает в публичной сфере, должен отлично ориентироваться не только в пу-

бличном, но и в частном праве, не только в национальном, но и международном, а, следовательно, например, иметь хорошие знания в сфере гражданского права, владеть иностранным языком. Отсюда же требование (особенно крупных корпораций и частных компаний, которые считают свои деньги и время), чтобы молодой юрист был способен приступить к практической деятельности сразу по окончании ВУЗа.

Официально, на уровне руководителей государства, поставленная «главная задача нынешнего этапа — создать действенную систему экологической безопасности в стране»; «обеспечить дальнейший рост экономики страны на высоких экологических стандартах». Это означает признание необходимости экологизации экономики, а, следовательно, экологизации законодательства, экологизации деятельности органов власти,

а значит, и появление нового требования к современному юристу — экологизации его сознания, знания им экологического законодательства.

Резко возросший объем правовой информации уже не просто предполагает, а обязывает современного юриста владеть компьютерными технологиями, уметь пользоваться справочно-поисковыми системами по законодательству, такими, как «Кон-

сультант Плюс», «Гарант» и другими. Подобных примеров новых требований к юристу можно было бы привести еще очень много.

— И насколько эти требования выходят за рамки тех, на которые рассчитано классическое юридическое образование?

— А вот здесь мы подошли к тому, что в вашем первом вопросе-утверждении «не так»! Классическое юридическое образование (а это, прежде всего, образование, которое дают классические университеты) лучше других приспособлено к эволюционному восприятию новых требований. Университетское образование, в том числе юридическое, изначально было построено на науке, на доведении до обучаемых фундаментальных теоретических знаний; а профессионалами-практиками выпускники становились позже, на базе этих знаний.

Одновременно, классическое университетское образование всегда предполагало систему воспитания студента. «Образование без воспитания, — писал И.А.Ильин, великий философ и выпускник юридического факультета Московского университета, — есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов, оно вооружает противодуховные силы, оно развязывает и поощряет в человеке “волка”».

Все это означает, что в современном мире к юристу могут и должны быть предъявлены не только новые, но и «старые требования»: фундаментального образования, воспитания в духе уважения к государству, к обществу, к Закону.

¹ Путин В.В. Выступление на заседании Совета безопасности РФ 30 января 2008 г. // <http://www.rg.ru/2008/01/31/ekologia.html>. Медведев Д.А.: «...необходимо изменить правовую базу природоохранной деятельности, которая далека от идеала и не стимулирует переход на экологически чистые технологии» // Там же

² Экологизация (общая) означает разносторонний более системный, чем ранее, подход к объективному миру и большее осознание роли природы в жизни человека, т.е. новый этап «экологической» культуры. См.: Реймерс Н.Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. С. 591

³ Цит. по: Данилова И. «Образование без воспитания — ложно и опасно». «Версты» от 23 ноября 2000 года. К дискуссии «Концерт культур и хорошевод религий. Приглашение к разговору»

— В чем, на ваш взгляд, главные трудности в подготовке юридических кадров?

— У нас в стране 1136 вузов и филиалов выдают дипломы государственного образца о высшем юридическом образовании. Заметьте, точно такие же, как, например, МГУ. В результате возникает некое раздвоение «юридической личности», то есть, говоря медицинским языком — паранойя. Откройте любую газету — перепроизводство юристов. Спросите любого руководителя — хороших юристов мало! Так, перепроизводство или «мало»? А ведь все просто. Подготовить хорошего юриста трудно! А выпустить человека с дипломом-бумажкой о якобы высшем юридическом образовании — легко!

Так вот, первая трудность состоит в том, чтобы прекратить дискредитацию юридического образования в целом, определив те вузы, которые «легко» готовят хороших юристов, и те, которые взвалили на себя «тяжелый» труд выдавать бумажки (да за хорошие деньги). И обеспечить всемерную поддержку первым и комплекс мер по наведению порядка вплоть до закрытия применительно ко вторым...

Тогда останется главная и традиционная трудность — подготовить качественного юриста. Это можно сделать, только если понимать, из каких элементов складывается качество юридического образования, от чего оно зависит. В принципе они известны. Прежде всего, это преподавательские кадры, уровень материального обеспечения их жизни и деятельности, социальной защищенности, престижности их профессии. Во-вторых, уровень материально-технической базы (аудитории, библиотеки, оборудование), образовательных технологий, применяемых в юридических вузах. В-третьих, инте-

грация преподавания и юридической науки. В-четвертых, интеграция юридического образования и практики (именно здесь, кстати, должна решаться весьма злободневная и сложная проблема «доводки» выпускников классических вузов до требований работодателей). В-пятых, интеграция национального и европейского (мирового) образования. Отдельная проблема — обеспечение равного доступа к юридическому образованию. Конечно, на каждом из этих направлений есть свои препятствия. Но все они преодолимы.

— Когда и как студенты юрфака МГУ определяются, кем они хотят стать, в какой отрасли права специализироваться? Какая специализация на сегодняшний момент самая востребованная?

— Специализация студентов начинается с четвертого курса по 15 кафедрам. Среди них наиболее популярны сегодня (так было не всегда) кафедры гражданского права, гражданского процесса, коммерческого права, конституционного и муниципального права, предпринимательского права, трудового права, уголовного права и криминологии, уголовного процесса, финансового права, экологического и земельного права.

Зачисление на специализацию проводится по желанию студентов. Но для того, чтобы записаться на ряд самых популярных кафедр нужно выдержать конкурс, одного желанья мало. Критерии отбора: успешная учеба (без троек или с их минимальным количеством), написание по избранной кафедре курсовых работ, участие в научной работе и тому подобное. Мы интересуемся мнением студентов о работе кафедр. Так вот, лишь чуть более 9 % студентов выбрали бы другую специализацию, если бы им снова представилась такая возможность.

Классическое юридическое образование лучше других приспособлено к восприятию новых требований

Таким образом, можно утверждать, что большинство студентов к началу специализации знают, чем они хотят заниматься.

— Скажите, что наиболее важно для студентов, которые приходят к вам учиться — престижность профессии или настоящий интерес? Много ли среди ваших студентов юристов по призванию?

— Каждый третий студент считает, что образование, которое он получает в МГУ на юрфаке, дает возможность сделать хорошую карьеру. Почти четверть хотят приобрести хорошую профессию (24 %), получить диплом, дающий определенный статус (22 %), повысить до высокого уровня культуру (15 %). А вот материальное благополучие упомянули лишь 7 %.

Почти две трети студентов 2–4 курсов хотят делать бизнес-карьеру, включая юридическую службу (негосударственную), адвокатуру, частный нотариат и другое. Продолжать учиться желает почти каждый пятый, причем каждый десятый хотел бы продолжить свое образование за рубежом. В первой тройке и государственная служба (17,5 %). Чуть меньше желающих преподавать (17 %) и вести научную работу (13 %). Заниматься политикой хочет каждый десятый. На другие виды деятельности приходится около 6 %.

А вот на второй вопрос я не смогу дать однозначный ответ — да, думаю, что и никто не сможет. Полагаю, что есть (скажем, на один из конкурсов студент 4-го курса предоставил не одну, а 3 ра-

боты по разным темам, и все они были выполнены блестяще). А много ли таких, покажет будущее — большое видится на расстоянии.

— Ориентируют ли кафедры студентов на потребности рынка труда?

— По принципу «туда не ходи, сюда ходи» — однозначно нет! Профорентация студентов проводится, прежде всего, в традиционной форме практики. Мы имеем договоры с 33 государственными органами и учреждениями, частными фирмами, которые являются базами практики наших студентов.

Кроме того, действует специальная программа дополнительного профессионального факультативного образования, имеющей целью подготовку выпускников факультета к практической работе в определенных отраслях или комплексах. В ее рамках читаются специальные факультативные курсы (например, «Практические навыки юридической работы» и «Элементы практической психологии для юристов»), проводятся дни открытых дверей в известных юридических фирмах, круглые столы, встречи с известными выпускниками, работающими в различных органах и учреждениях, и другое.

При таких условиях наши студенты, как правило, могут определить, где они нужны, а где нет.

— Готовы ли сегодня молодые юристы работать со сложными спорами, понимают ли они природу возникновения конфликтов?

— Если речь идет о тех, кто только закончил юридический вуз, то думаю, что нет. Во-первых, из-за возраста: например, три четверти студентов первого курса юрфака МГУ — несовершеннолетние. Посчитайте, сколько им будет, когда они закончат университет. Думаю, что здесь, как и в судебной работе, нужен определенный жизненный опыт и юридическая практика. Во-вторых, чтобы понимать природу возникновения конфликтов, ее нужно изучать. А это если и делается, то фрагментарно, по отраслям права.

— Как вы думаете, насколько важна интеграция курса по медиации в курс высшего юридического образования?

— Чтобы ответить на этот вопрос, курс нужно «попреподавать», обкатать, получить некую эмпирическую базу: как студенты посещают занятия, как оценивают курс они сами, преподаватели других дисциплин, работодатели.

— И как это лучше сделать?

— Есть два пути. Добиться включения этой дисциплины в государственные образовательные стандарты — или договариваться с конкретным вузом о факультативном преподавании такого курса. Первый оптимальный, но сложный. Второй сравнительно простой, но не системный.

— Медиация является междисциплинарной областью, расположенной на стыке права, психологии, социологии и других дисциплин. Значит ли это, что курс по медиации расширяет кругозор юристов, заставляет их иначе смотреть на механизм разрешения конфликтов? Каковы вообще, на ваш взгляд, плюсы введения курса по ме-

диации — помимо освоения студентами еще одной специальности?

— Нужно сначала определиться с двумя вопросами: что мы понимаем под медиацией, и какие цели преследует учебный курс с таким названием? Юристы, в большинстве своем, определяют медиацию как посредническую деятельность по внесудебному разрешению коммерческих (гражданско-правовых, трудовых) споров. Если так, то посредник должен быть специалистом в соответствующей сфере деятельности, хорошо знать нормы права, регулирующие отношения в этой сфере. Но тогда цель обучения — не расширение кругозора, а передача и усвоение знаний и навыков проведения медиации как факультативной или обязательной составляющей подготовки юриста.

— Имеет ли смысл в рамках высшего юридического образования выделять особую специализацию по медиации? Или навыками медиаторов должны в той или иной мере обладать все выпускники юридических вузов и факультетов?

— Специализация по медиации в рамках юридических вузов? Сегодня — вряд ли это возможно. Нужно включить эту специальность в государственный стандарт высшего юридического образования. Потом — кадры. Где взять столько преподавателей? Далее, методическое обеспечение: программы, учебники и тому подобное. Они есть? Затем, куда пойдет работать этот специалист? Думаю, что второй из названных вами путей интеграции медиации в учебные программы сейчас выглядит реальнее.

— Как вы считаете, кто в России сегодня наиболее готов стать меди-

атором: юристы, психологи, представители иных профессий? Обязательно ли медиатор должен иметь юридическое образование?

— Если речь идет о медиации в означенном выше понимании, как посредничестве во внесудебном разрешении юридических споров, то, несомненно, наиболее готовы юристы, прежде всего судьи и адвокаты. Вообще вопрос о том, кто составит корпус медиаторов — один из самых сложных, от практического решения которого будет зависеть судьба этого института...

— А не кажется ли вам, что в этой ситуации становится особенно важной роль юриста? Ведь именно юрист, который приближен к той или другой стороне, может: а) как вы совершенно верно сказали, вовремя понять ситуацию напряжения, когда желательно вмешательство медиатора; и б) профессионально рекомендовать данную процедуру.

— Должна существовать система первичной информации о возможности применения медиации. И исходить она может не в последнюю очередь от юристов, имеющих отношение к рассмотрению споров. Но я знаком со многими судьями, адвокатами, часто встречаюсь с ними, в том числе в их офисах, и не сказал бы, что на меня выливается поток информации о медиации, или что на каждом углу призывают воспользоваться процедурой медиации.

Кто-то должен посоветовать обратиться к медиатору. Например, человек приходит в суд, и в этом суде должна быть четкая информация о том, что есть возможность внесудебного рассмотрения такой-то категории дел. Обратите, не досудебного, а внесудебного, потому что это разные вещи — по сути, по

процедурам, по отношениям сторон. Человек должен иметь выбор: либо он идет дальше по судебной процедуре, либо он может рискнуть (дело-то новое) и решить спор по-другому.

Кто-то должен объяснить, что решение спора через посредника может произойти гораздо быстрее (нет больших процессуальных сроков), обойтись дешевле (нет дорогостоящих адвокатов, судебных издержек), может быть и более понятным для сторон (медиация предполагает знание деталей конкретной деятельности, конкретного бизнеса), что конфликт

устраняется не противостоянием, а путем постепенного сближения позиций.

— Какие еще проблемы, на ваш взгляд, сдерживают развитие медиации?

— Отсутствие четкой федеральной законодательной базы, отсутствие гарантий статуса медиатора. Ведь первое, что сделают сейчас при любом бизнес-споре, если дело после медиации передадут в суд, — вызовут медиатора. И он будет обязан все, что узнал, рассказать. А какой же нормальный человек

в здравом уме в таком случае доверит ему бизнес-информацию? Важно также, чтобы была установлена ответственность за некачественное ведение процедуры медиации. И, как я уже говорил, должен существовать механизм исполнения решений.

Если государство обеспечит законодательное регулирование хотя бы этих вопросов — с одной стороны, статуса медиатора, защиты его иммунитета, его ответственности, и, с другой стороны, исполнения решений, этого будет вполне достаточно.

Медиация должна стать потребностью сторон спора. Их и нужно убеждать в пользе этого института. А юридическое сообщество в определенной своей части уже готово к медиации

— А как вы относитесь к вопросу сертификации медиаторов? Кто этим должен заниматься — частные фирмы, общественные или государственные организации? И вообще — насколько здесь важна регулирующая роль государства?

— Думаю, что сертификация (аттестация) возможна, даже необходима. Но вряд ли ее нужно вводить на первом этапе становления института медиации. То же можно сказать и по второму вопросу. Может быть, нужно создавать саморегулируемые организации медиаторов. Но ставить процесс становления медиации в зависимость от их наличия, значит, скорее всего, затормозить его. И то же самое — в отношении государственного регулирования. Оно необходимо, но в разумных пределах, ведь можно регулировать, а можно и «зарегулировать».

— Как вы относитесь к идее обязательной медиации? Имеет ли она смысл как первый шаг при становлении этого института в нашей стране?

— Мне кажется, что обязательная медиация противоречит самой сути этого института. Что в нем привлекательно для сторон спора? Быстрота, экономичность, конфиденциальность? Да! Но главное, думается, в другом — в отсутствии принуждения применительно к сторонам. Это не суд. Здесь нет судьи как представителя государственной

власти. Нет адвоката как представителя лишь одной стороны. Есть медиатор, переговорщик, помогающий сторонам выработать решение, которое устраивает. Нужно не принуждать к медиации, а формировать потребность в ней потенциальных участников, сторон спора.

— А готово ли сегодня отечественное юридическое сообщество к внедрению института медиации? И что, на ваш взгляд, сложнее: убедить в пользе медиации юристов — или их клиентов?

— Медиация должна стать потребностью сторон спора. Их и нужно убеждать в пользе этого института. А юридическое сообщество? Думаю в определенной своей части оно готово: юристы-законодатели, арбитражные судьи, адвокаты, преподаватели юридических вузов... Причем они готовы в самом широком смысле, готовы не только поддержать соответствующие законопроекты, но и работать в качестве медиаторов — или участвовать в процессе их подготовки.

— Какие шаги, на ваш взгляд, сегодня важнее всего предпринять, чтобы внедрение медиации стало реальностью? Зависит ли этот вопрос от законодательной базы, от подготовки соответствующих кадров, или от общей правовой культуры?

— Вы сами ответили на свои вопросы: законодательная база, кадры, пра-

вовая культура. Еще, пожалуй, информация, ее очень мало. Законодательная база — прежде всего. Только в федеральном законе могут и должны быть решены такие ключевые проблемы, как круг споров, которые могут быть разрешены с помощью этой процедуры, свидетельский иммунитет медиатора, его ответственность, обязательность для сторон спора выработанных ими решений. Да и сам факт законодательного урегулирования отношений посредничества — сигнал бизнес-сообществу и другим потенциальным участникам медиации о ее поддержке со стороны государства.

— Журнал «Медиация и право. Посредничество и примирение» задумывался как информационная площадка, где можно не только узнать что-то новое о медиации, но и поделиться опытом, высказать свой взгляд на проблему. Как вы его оцениваете? Ваши пожелания журналу?

— Я прочитал все номера, начиная с сентября 2007 года, поскольку мне интересно, как понимают и принимают ли медиацию мои коллеги. И захожу то, что искал: позиции законодателей и судей, адвокатов и госчиновников. Для меня оказались весьма полезными размышления о понимании медиации и перспективах ее внедрения, изложенные на страницах журнала Т.К.Андреевой, В.Б.Исаковым, В.М.Платоновым, О.М.Свириденко, Е.В.Семеняко, В.Ф.Яковлевым. А теперь вот высказываю собственное видение проблемы. Значит, журнал выполняет свою функцию — информационной площадки, где можно услышать нужное и быть услышанным.

Желаю его сотрудникам, авторам и читателям решения всех проблем на путях посредничества и примирения! ■

DENISSOV
WATCH COMPANY
1951

WWW.DENISSOV.RU

(495) 101-456-0